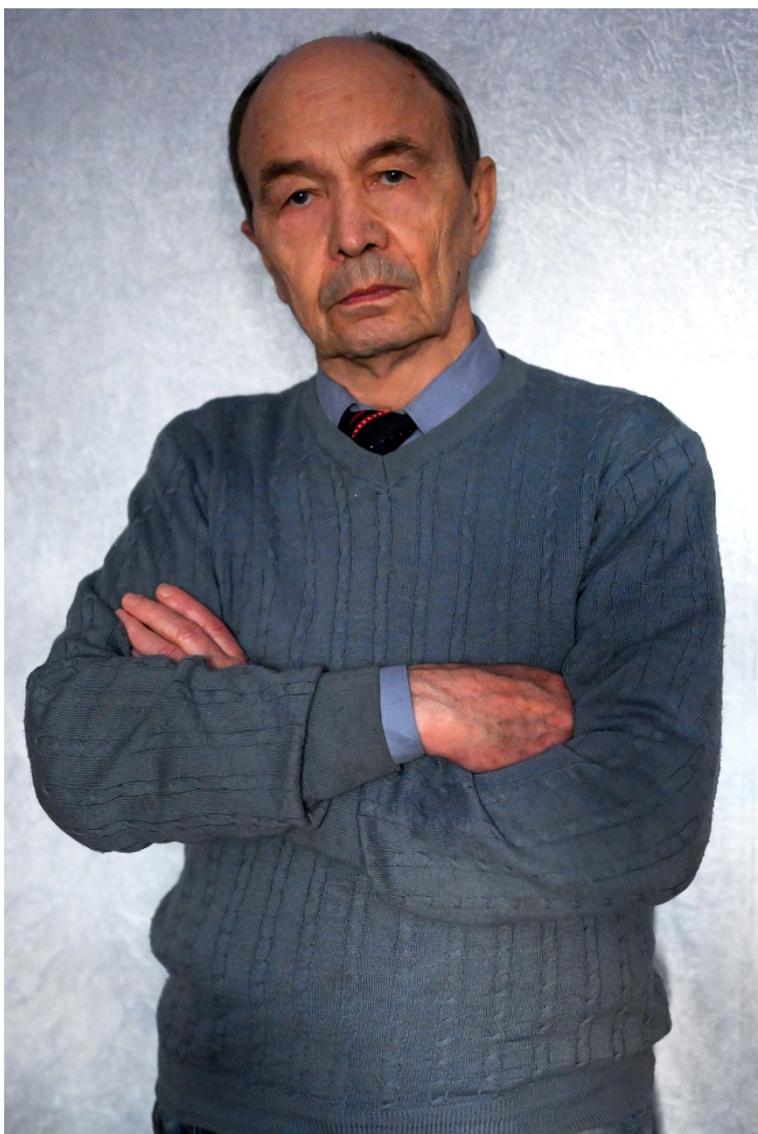

Дорогой Игорь!

Коллектив Творческой студии поэзии "Крылья"

поздравляет Вас с Вашим Днём рождения!

Желаем здоровья, долгих лет активной творческой жизни, счастливой личной жизни и осуществления всех Ваших планов! Будьте здоровы, счастливы и живите долго-долго.

Вечерняя песня

Время стирает итоги,
Значит, к началу мой путь,

И на последней дороге –
Просьба Святых помянуть...
Запад багрянит полоской,
Месяц для взгляда – капкан,
Простыни плоского лоска
Стелет в овраге туман,
Слёзки на травы роняя,
Студит ступни мне роса...
Путь мой к Тебе охраняя,
В душу глядят Небеса.

Пахнет овсами и мёдом.
Блажь – по дороге босым...
Я из Славянского рода,
Блудный, но все-таки – сын.
Бухнусь в потёмках на камень,
Ветром – Твой перст в волосах:
«Боже, дай папе и маме
Царство Твое в Небесах».

Художник и Поэт

Художник рисует картину –
Река, перекаты и мыс
(Как Бог – краски, кисть – вместо глины),
Лес дикий, просторы и высь...

Ловец он мгновений и сторож
Деталей, времён, величин...
Но, чтоб ограничить просторы,
Он в раму пейзаж заключил.

И рама – пейзажу как клетка:
В ней – водное буйство и мыс,
Застывшие брызги и ветка,
Струей наклонённая вниз...

В поэзии – смысл весь – из хлама
Прошедших проблем и потерь.
В поэзии – точка как рама
И в Весть уводящая дверь.

И вот уж последняя строчка
(Картину обречь и повесить),
Но чем убедительней точка,
Тем вдруг – удивительней Весть!

Мы любим...

Мы любим то, чему названья нет,
Оно иль вечно, иль живёт мгновенье:
То в мрак влечёт, то – в невечерний свет,
То полнит мир, то – наполняет вены.

Шерше ля фам – мы бредим сотни лет,
Реальность дня меняя на виденья,
И жаждем тайного, чему названья нет,
Когда восторг сливается с томленьем:

Мысль – как во сне, где воля и покой,
И вдруг – как в зной: прохлады дуновенье...
И ты запретного касаешься рукой,
И от него нисходит откровенье.

И это то, в чём царствует Душа;
И разум – в пляс, не шелохнувши бровью,
И задыхаешься восторгом... не дыша...
И весь ты полон высшею любовью.

Ах, эта ночь! В ней – сгусток бытия,
В ней вся любовь, что сохранила память:
В ней всё от Бога, может быть – и я,
И звёздный свет, и от лампы пламя...

Самолёт

Был чудный вечер. Дух сирени, май...
Я – в лётной форме. В парке – дефиле.
Луна такая – ну хоть вой, хоть лай:
Шерше ля фам в ту пору на Земле.

Я не спешил, я знал – никто не ждёт;
Не ждал и я, ведь всё вокруг – как сон.
Бродил по парку и увидел Самолёт,
По шасси замурованный в бетон.

Такой пейзаж до боли поразил:
Застывший, без антенн и без огней,
В нелепости соседства стен и крыл –
Прикованный, как дерзкий Прометей!

В решётках окна, мятый киль и хвост...
Но в хаосе – стремительностью линий,
Пришедший из пространства, был не прост:
Средь тесноты заборов – Исполином!

И комом в горле – жалости волна:
Мне показалось, он следил за мной!
Дрожала отражённая Луна
На стеклах серебристою слезой...

И вдруг я понял, что меня он ждал,
Что форма и свидание – не зря!
Его ведь я встречал и провожал:
И в небе – вместе, и одна – земля...

Я оглянулся, будто кто-то звал:
Меня, возможно, помнил этот «Ил»?!
Сирени, не стесняясь, наломал
И на бетон – у шасси – положил.

Наказ

Молодость моя – моя жар-птица.
Всюду рвался ввысь, душою - стоик.
Помню небеса, и мне не спится;
Раньше каждый стоил, столько стоил...

Был тогда я сам творцом орбиты,
Но и Ангел принимал участие.
На проблемы с нищетой и бытом
Наплевал и потому был счастлив.

А когда, науками обучен,
Был завален бесовскою ложью,
Понял, что до смерти охомучен,
Что с иудой спорить невозможно.

Старость – немощь, годы - тяжким настом.
Тело – в яме, а душа – в зените...
Я умру – с душою в восемнадцать, –
Вот таким меня и помяните.

Я - твой образ и частица,
И Тебе подобен, дескать.
Мне бы Света причаститься
Невечернего и - детства.

Распознать мираж насеста
Власти и - условность плена;
Возрасти умом и сердцем
До вершины искупленья...

Непонятный, нелюбимый,
Неприкаянный... Но мне бы -
Обрести свои глубины,
Отыскать в глубинах - Небо.

А пока мой жребий бьётся
Воробьём в зубах у ночи,
Вам - не ведать остаётся...
Мне - молчанием пророчить.

Женщина

Свечою - если мрак, прохладой - если тесно,
И, Ангелом паря, ты - в сердце грусти ком;
С тобою и молчать бывает интересно,
И, зная всю тебя, - с тобою не знаком.

Сама ты по себе, и ты же - Донна Анна;
С тобой я - Дон Жуан, и я же - Командор.
Хранитель - Ангел мой, и ты - моя же рана,
Ты - истина - в простом, а в сложном - мудрый вздор.

Ты - влага родника и спелая малина;
Во снах моих - близка, реально - как звезда,
Но близостью пьянишь, как дорогие вина,
И пропастью - восторг, и в нём не видно дна.

Единым Богом сущее объято –
Цветение, прозрение
И тленье.
В поэзии
Не избежать возврата
Слезами, только чище и светлее.

Как все – служу Единственному Богу,
В один поток
Мне недоступно дважды,
И всё трудней переносу дорогу:
Одно и то же –
Только чувство жажды.

Вот кончен сказ,
Однако – снова, снова
Жизнь начинаю,
Причастившись детством.
Синь длится в небесах –
Не выше Слова,
Мысль странствует в мирах –
Не дальше сердца.